

УДК 942.081

А.И. Минаев**БРИТАНСКИЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ: ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД
ИЗ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

Анализируется восприятие британской политической системы отечественной либеральной мыслью второй половины XIX века, в частности крупнейшими представителями «государственной школы». Внимание либералов как к британскому парламентаризму, так и к методу его ненасильственной модернизации стало сначала одним из факторов сохранения российского самодержавия в рамках легитимности, а затем и модернизации. Однако такого рода теоретические установки не стали определяющими в деятельности правительства. Европейский опыт, в том числе британский конституционный, в части создания эффективного парламентаризма, оказался не востребовавшимся.

Великобритания, Россия, вторая половина XIX века, «государственная школа», парламентаризм, модернизация.

В русской историографии «центристскую позицию» по отношению к британскому парламентаризму занимала «государственная школа». В обстановке буржуазной модернизации России во второй половине XIX века возрастал интерес представителей этой школы к реформам избирательного права и самой парламентской системе Великобритании, причем основное внимание уделялось ненасильственному, эволюционному характеру британских конституционно-правовых изменений. Б.Н. Чичерину, К.Д. Кавелину, А.Д. Градовскому и другим подобный характер преобразований представлялся наиболее предпочтительным и в отношении российского самодержавия.

Являясь апологетом конституционной монархии, в условиях которой функционирует развитое представительство, Борис Николаевич Чичерин (1828–1904), профессор Московского государственного университета, основатель «государственной школы» в русской историографии, «...выступил против как «чистой» демократии, так и исключительного господства феодалов, будь оно в форме абсолютной монархии или аристократической республики»¹. В конституционной монархии, классический пример которой демонстрировала Великобритания XIX века, по мнению Б.Н. Чичерина, «...идея государства достигает наивысшего развития...», поскольку монархия «...представляет начало власти, народ и его представители – начало свободы, аристократическое собрание – постоянство закона, и все эти элементы, входя в общую организацию, должны действовать согласно для достижения общей цели»².

¹ Зорькин В.Д. Из истории буржуазно-либеральной мысли России второй половины XIX – начала XX в. (Б.Н. Чичерин). М., 1975. С. 127.

² Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. М., 1896. Ч. 1. С. 161.

Б.Н. Чичерин, являясь сторонником совершенствования государственного строя посредством реформ, рассматривал конституционную монархию как наиболее приемлемый инструмент и как наиболее гибкий государственный механизм. Одно из важнейших ее преимуществ, считал Борис Николаевич, заключалось в том, что «...она, не изменяя своего существа, может приспособляться к историческому течению народной жизни»³. Британский парламентаризм, в его понимании, представлял собой один из наиболее ярких примеров такого рода. «В Англии при средневековом порядке, – писал Б.Н. Чичерин, – парламент служил средоточием могучих феодальных баронов, которые через него держали в руках королевскую власть. С возникновением нового государственного строя последняя, напротив, временно стала преобладать; парламент, в сущности, только исполнял приказы монарха. Однако народные права не были уничтожены, и, когда короли захотели совершенно обойтись без парламента, они встретили сопротивление, которое сокрушило их силу. <...> Со вступления на престол Ганноверской династии она даже умалилась чрезмерно. Вместо нее преобладание опять получила аристократия, которая была владычествующим элементом, особенно в первой половине XVIII в. Но затем, медленным ходом жизни, больший и больший перевес получало демократическое начало, которое после ряда реформ стало, наконец, преобладающим»⁴.

Б.Н. Чичерин, вопреки своему стремлению показать неизменность «существа» конституционной монархии, все-таки вынужден был признать, что в Великобритании она подверглась глубокой внутривластной трансформации, выразившейся в изменении места и роли парламента в британском государственном механизме. Особое значение имело признание им того факта, что в XIX веке именно «демократический элемент» становится преобладающим, чему, безусловно, способствовали три избирательные реформы, сделавшие палату общин представительницей интересов широких слоев населения страны.

Отрицательно относясь к «чистой» демократии, Б.Н. Чичерин осторожно подходил к оценке парламентского правления, выработанного английской политической практикой и состоявшего в том, что «...король вверяет управление вождям той партии, которая имеет большинство в народной палате»⁵. Он отмечал как его положительные⁶, так и отрицательные⁷ стороны. К первым Б.Н. Чичерин причислял, во-первых, «...живое единство между правительством и народом. <...> Враждебные отношения и раздоры через это устраняются. Монарх остается высшим измерителем партий, но сам не вовлекается в их столкновение». Во-вторых, этим устанавливается «единство... в самом правительстве. Внутренние разногласия, неизбежные там, где министерство составлено из представителей различных партий и направлений, исчезают вследствие необходимости выступать с общей программой...». В-третьих, власть приобретает значительную силу, поскольку правитель-

---

³ Там же. Ч. 3. С. 236–239.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 237.

⁶ Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. С. 237–238.

⁷ Там же. С. 239.

ство, «...единое в себе и опирающееся на общественное мнение, может смело проводить все свои меры». В-четвертых, Б.Н. Чичерин обращал внимание на положительный эффект, достигаемый от чередования двух политических партий у власти. «Долговременное обладание властью при напряженной деятельности в известном направлении слишком часто ведет к ослеплению. Правители перестают видеть настоящие потребности общества. Последние яснее раскрываются им в оппозиции, когда они ближе стоят к народу и ум их не отуманивается обаянием власти». Б.Н. Чичерин указывал на то, что оппозиции рано или поздно весьма полезно возглавить управление страной: «Это раскрывает ей глаза на условия и потребности власти. Она не ограничивается уже чисто отрицательной критикой, а старается выработать программу, которую она берется провести, когда правление перейдет в ее руки». В-пятых, чередование партий полезно для государственного управления, поскольку «...изменяющиеся условия жизни и развития нередко требуют изменения политического направления». В-шестых, одаренные политические деятели, принадлежащие по своим убеждениям к оппозиции, в условиях парламентского правления «...не принуждены тратить свои силы в бесплодной борьбе; они могут употребить свои способности на благо отечества. Там, где не установилось парламентское правление, иногда личное нерасположение монарха устраняет именно даровитых людей». И, наконец, власть является «пробным камнем» для политических партий. «Тут только обнаруживается, – отмечал Б.Н. Чичерин, – насколько их программы приемлемы и полезны для государства». К недостаткам парламентского правления Б.Н. Чичерин относил, во-первых, те «дозволенные и недозволенные» средства, с помощью которых ведется борьба за голоса избирателей; во-вторых, то, что парламент «...становится центром интриг, а администрация орудием партийного давления. Все государственное управление страдает от шаткости политики, переходящей от одной крайности в другую»⁸.

Обращаясь к британскому парламентаризму, Б.Н. Чичерин раскрывал его непреходящее значение. Он отмечал: «...Англия внесла существенное начало в общечеловеческое развитие. Она первая представила образец конституционной монархии и сделалась постоянной опорой и убежищем свободы. Выработанные ею учреждения не через нее распространились в Европе, но она послужила типом для остальных государств»⁹. Подчеркивая то обстоятельство, что британский парламентаризм имеет глубокие средневековые корни, Б.Н. Чичерин видел в этом залог преемственности, стабильности политического развития Великобритании. При этом он идеализировал историческое развитие страны, пытаясь представить его как плавную эволюцию государственных форм и общественных отношений. «Новое государственное устройство, – писал он, – установилось, не разрушая старого порядка, а соединением разнородных частей, связанных общей связью»¹⁰. В этой традиционности и преемственности Б.Н. Чичерин видел заслугу могущественной английской аристократии, которая «...была главной руководительницей народа в утверждении парламентского владычества. Она сообщила политическому быту то единство, которое в других странах

⁸ Чичерин Б.Н. Там же. С. 239.

⁹ Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1866. С. 221.

¹⁰ Там же.

истекало от бюрократии. Поэтому Англия осталась самой аристократической страной в Европе»¹¹.

Анализируя проблему расширения избирательного права, Б.Н. Чичерин приходил к выводу, что та или иная социальная сила, тот или иной интерес, став значимыми для всего общества, обязательно должны быть представлены в парламенте: «В самом деле, если даже принять, что народное представительство должно быть выражением не общего мнения об общем деле, а совокупности отдельных, существующих в народе интересов – земледельческих, торговых и т. п., то все же каждый элемент должен быть представлен в парламенте сообразно со своей значимостью, и что может служить мерилем этой значимости, как не количество людей, для которых известный интерес составляет жизненный вопрос?»¹². Таким образом, для Б.Н. Чичерина английская практика постепенного расширения избирательного права, учитывающая общественную значимость претендующих на него социальных слоев, являлась вполне приемлемой и целесообразной.

Позиция Б.Н. Чичерина в отношении развития британского парламентаризма, его реформирования в XIX веке была весьма сдержанной. Признавая необходимость расширения избирательного права, он постоянно сопровождал свои рассуждения многочисленными оговорками, свидетельствующими о крайне осторожном отношении его к этой проблеме. Так, например, он оправдывал наличие имущественного ценза для избирателей, но делал это завуалированно, связывая его с необходимостью для избирателя получить должное образование. «Единственное условие, которое может разумным образом быть допущено, состоит в необходимости некоторого образования в избирателях и избираемых. Для этого устанавливается ценз, ибо возможность образования предполагает некоторый достаток»¹³. По мнению Б.Н. Чичерина, развитие парламентаризма в Великобритании не должно было поколебать традиционных устоев государственности в этой стране, поэтому он придавал особое значение сдерживающему «чистую» демократию консерватизму, носителями которого являлись аристократия и королевская власть.

Все это позволяет характеризовать либерализм Б.Н. Чичерина в отношении британского парламентаризма как либерализм сдержанный, охранительный. Данный вывод подтверждают слова самого мыслителя: «Истинный либерализм состоит не в отрицании государственных начал, цель его должна быть водворение в обществе законной свободы согласно с условиями народной жизни, а правильное развитие свободы обеспечивается только сильным развитием власти»¹⁴.

Касаясь механизма функционирования конституционной монархии с развитым представительным учреждением, Б.Н. Чичерин отмечал, что в новое время кардинально изменилась трактовка принципа разделения властей. Это нашло свое подтверждение и в эволюции британского парламентаризма, утвердившей в том

---

¹¹ Там же. С. 223.

¹² Там же. С. 225.

¹³ Чичерин Б.Н. Очерки Англии и Франции. М., 1858. С. 24.

¹⁴ Чичерин Б.Н. Очерки Англии и Франции. С. 24, XI – XII.

числе и принцип ответственности кабинета перед палатой общин. По утверждению Б.Н. Чичерина, нормальное функционирование различных ветвей государственной власти обеспечивается не их разделением, а четким взаимодействием между ними. «Со времен Локка и Монтескье установилось мнение, что конституционное устройство представляет разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную. <...> В новое время пришли к убеждению, что такого точного разграничения нет и быть не может. Единство управления требует, чтобы каждый орган верховной власти имел влияние и на действие другого»¹⁵. Пример такого взаимовлияния наглядно, по мнению Б.Н. Чичерина, демонстрировала Великобритания XIX века, где благодаря проведенным парламентским реформам палата общин стала ключевым инструментом государственного механизма. Его эффективное функционирование сделалось теперь просто невозможным без координации усилий общин, лордов и короны.

Изучение Б.Н. Чичериным западноевропейских государственно-правовых систем носило и прикладной характер. Он пытался адаптировать их достижения к отечественной действительности. В своей работе «Россия накануне двадцатого столетия» Б.Н. Чичерин писал: «Русский народ должен быть призван к новой жизни утверждением среди него начал свободы и права. Неограниченная власть, составляющая источник всякого произвола, должна уступить место конституционному порядку, основанному на законе». При этом британский опыт в государственно-правовой сфере был для него особенно важен. «Придет ли это сознание путем правильного внутреннего развития или будет оно куплено ценой потоков крови и гибели многих поколений, покажет будущее»¹⁶.

Б.Н. Чичерин категорически отвергал революционные методы преобразований. «Всякое общество, внезапно выброшенное из обычной своей колеи и поставленное в совершенно новые условия жизни, теряет равновесие и будет некоторое время бродить наобум. Французская революция представила тому живой пример». По его глубокому убеждению, «...для России идеалом представительного устройства может быть только конституционная монархия»¹⁷. И объяснял это тем, что монархическая власть играла настолько важную государствообразующую роль в истории России, что еще в течение столетий останется «высшим символом ее единства, знаменем для народа». «Единственное, о чем позволительно у нас мечтать, – писал он, – это приобщение к ней народного представительства, облеченного действительными, а не мнимыми правами»¹⁸. В этой связи неопенимым становился опыт Великобритании.

Русский историк «государственной школы» Константин Дмитриевич Кавелин (1818–1885), синтезируя идеи славянофильства и западничества, пытался содействовать внедрению ценностей классического либерализма в отечественную государственно-правовую систему. В работе «Мысли о выборном начале», написанной в 1876 году, К.Д. Кавелин говорил о длительной истории и актуальности проблемы

¹⁵ Чичерин Б.Н. О народном представительстве. С. 154.

¹⁶ Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия. Берлин, 1901. С. 159, 160.

¹⁷ НИОР РГБ. Ф. 334. Карт. 21. Л. 2.

¹⁸ ОР РГБ. Ф. 334. Карт. 38. Л. 4.

введения представительного правления для русского общества: «Вопрос о представительстве у нас один из самых старинных. Многим это покажется невероятным, но факты говорят в пользу такого мнения. <...> Теперь (1876) он у всех на устах, как после Крымской войны и отмены крепостного права»¹⁹. К.Д. Кавелин отмечал важность для России зарубежного опыта в этой области и обращал внимание противников введения представительства на то, что у «...древних и новых народов, в жизни которых замечается какое-нибудь движение и стремление к улучшению общественных и политических форм, рано или поздно, непременно вводится в том или другом виде выборное государственное представительство, заменяя и исключая у одних народов существующую государственную организацию, у других только дополняя ее новым элементом»²⁰. В его представлениях важную роль должен был сыграть британский опыт становления и развития парламентаризма, наиболее длительный во всей европейской истории.

В статье «О разграничении законов и постановлений» К.Д. Кавелин отмечал, что это разграничение перешло «...в наши понятия из иностранных законодательств; но, оторванное от практической живой почвы... оно обратилось в бледное теоретическое понятие, не имеющее практической важности и применимости». Причину этого он видел в том, что в Европе разграничение закона и постановления вытекает «...из различия властей и потому возводится к различию источников права», в то время как в России оно отсутствует и «...все власти, законодательная, административная и судебная, сосредоточены в самодержавной власти императора...»²¹. Великобритания, напротив, будучи в середине XIX века страной, в которой эпицентр государственного механизма переместился в парламент, выгодно отличалась в этом вопросе от самодержавной России.

К.Д. Кавелин доказывал общую для всех народов, исторически обусловленную необходимость приобщения к представительным учреждениям. Появление представительства, по его мнению, является показателем прогрессивного, поступательного развития государственного организма, поскольку оно «...не есть признак ослабления или упадка, а служит признаком мощи и здоровья государственного тела, ибо появляется при правильном ходе государственной жизни, когда правительственный механизм вполне сложился и окончательно выработался»²². Важнейшим преимуществом парламентаризма К.Д. Кавелин считал сочетание в его рамках местных и общегосударственных интересов. «Представительство, – писал он, – вносит в правительственный механизм живое непосредственное знание тех потребностей, общих и местных, которые назрели в государстве в данное время, и вместе знакомит частных лиц, попавшие в число выборных представителей, с потребностями и условиями государственного механизма, далеко не похожим на требования и условия местной, корпоративной, сословной и частной жизни»²³.

---

¹⁹ Кавелин К.Д. Мысли о выборном начале // Собр. соч. : в 4 т. СПб., 1898. Т. 2. С. 934.

²⁰ Там же. С. 916.

²¹ НИОР РГБ. Ф. 169. Карт. 43. Л. 2, 3.

²² Кавелин К.Д. Мысли о выборном начале. С. 919.

²³ Там же. С. 920.

Вышеизложенное позволяет заключить, что К.Д. Кавелин являлся последовательным сторонником как парламентаризма в целом, так и внедрения его институтов в России. При этом он придавал значение внимательному отношению к западноевропейскому опыту становления и развития представительных учреждений, особенно к его британскому варианту. В то же время, выступая вместе с Б.Н. Чичериным с одних и тех же умеренных позиций, К.Д. Кавелин отрицал необходимость участия всего населения в парламентских выборах и доказывал, что «...прочность конституционных учреждений покоится... на единстве власти, сосредоточенной или в руках правительствующего слоя общества, или в руках действительно правительствующего государства»²⁴. В этом отношении он ставил в пример Великобританию, где «...до последнего времени верховная власть принадлежала поземельной аристократии и только в тридцатых годах нынешнего столетия начала передвигаться в руки буржуазии». Однозначно свое отношение к этому процессу К.Д. Кавелин не определял, но чрезмерное политическое влияние аристократии для него было неприемлемым. «Во всей Западной Европе... разделение властей между государем и народом – писал он, – всегда делалось в пользу родовой поземельной или денежной аристократии. Конституционные учреждения возникли там с той поры, когда аристократия, усилившись, начала забирать верховную власть в свои руки, что это делалось не в пользу всего народа, доказывается в Англии ранним обезземеливанием сельского населения». Опираясь на британский опыт в первую очередь, К.Д. Кавелин отмечал закономерность ограничения монархической власти посредством введения аристократических учреждений: «Средоточение в руках государей администрации как главного атрибута монархической власти не имеет теоретического основания, а объясняется только историей конституционных учреждений в Европе. Когда аристократические элементы начали прибирать к себе верховную власть, они мало-помалу отняли у государей суд, законодательную власть и право налагать подати и из всех атрибутов верховной власти оставили за ними только управление государством, да и то под надзором и контролем конституционных учреждений, представлявших по названию народ, а в действительности господствующий его слой»²⁵. Вскрывая закономерность разделения властных полномочий между короной и аристократией, К.Д. Кавелин подчеркивал отстранение от этого процесса широких народных масс, что сочеталось с их полным политическим бесправием.

Таким образом, К.Д. Кавелин, занимая последовательные либеральные позиции, выступал за постепенное, без резких скачков «врастание» России в парламентаризм, но в парламентаризм британского образца с массой сдержек и противовесов, предохраняющих государство от потрясений.

Интерес Александра Дмитриевича Градовского (1841–1889), еще одного историка «государственной школы», к изучению «колыбели европейского конституционализма» был отнюдь неслучаен. «Из всех европейских государств, – писал он, – лишь

---

²⁴ Кавелин К.Д. Политические призраки // Собр. соч. Т. 2. С. 907.

²⁵ Там же. С. 920.

только одна Англия не только сохранила средневековые представительные учреждения, но и развила их в формы новой конституционной монархии»²⁶.

Отдав в молодые годы дань идеям русской самобытности, позже А.Д. Градовский дистанцировался от крайностей как славянофильства, так и западничества, противостояние между которыми часто деструктивно воздействовало на общественное сознание соотечественников. Он предстает перед нами как апологет отечественной государственности, в которую интегрированы самые разные общественные силы посредством их участия в местном самоуправлении. «...*Развитие земского начала в нашем управлении*, – писал А.Д. Градовский, – *будет наилучшим средством образовать ту разумную и нравственную силу, о которую разобьются все попытки насильственных переделок нашей родины по каким бы то ни было «шаблонам», и особенно по шаблонам социальной демократии.* Развивать и укреплять земское начало – значит национализировать нашу интеллигенцию»²⁷. Он обоснованно критиковал западников за их отрыв от действительности, нежелание увидеть положительный потенциал дальнейшего развития внутри страны, стремление уйти от насущных проблем. «Западничество, явилось... средством искусственной, внутренней эмиграции из крепостной России»²⁸. Оторванность от российских начал, слепое поклонение перед западной моделью развития, по его мнению, породило нигилизм и привело к бесплодной растрате сил значительной части талантливой российской молодежи. «Недаром Тургенев, – подчеркивал А.Д. Градовский, – заставил своего Базарова умереть от тифа. Великий художник не знал, что ему делать с Базаровым, ибо сам Базаров не знал, что ему делать с собою»²⁹.

А.Д. Градовский рассматривал государство как динамичную систему, эволюция которой – важнейшее условие достижения необходимого соответствия государственно-правовых форм потребностям общественного развития. При этом для него принципиальным являлось то, что государственное «...принуждение имеет свои пределы, чем отличается от властного произвола. Оно должно принимать во внимание состояние и запросы общества»³⁰.

По нашему мнению, и сегодня актуальными являются те уроки, которые мыслитель сформулировал, исходя из особенностей развития европейских государств в XVII–XVIII веках, а именно:

«1. Государство, провозгласившее безусловную годность данных, следовательно преходящих, начал своего строя, рискует вызвать противоположные идеалы, столь же безусловные и неуступчивые. Отрицаясь от новых требований жизни, оно дает силу утопии; отказываясь от прогресса осуществимого, оно, в конце концов, сталкивается с идеалами неосуществимыми.

2. Наука, не имеющая доступа к практическим вопросам государственной жизни, кидается в область утопии; из полезной общественной силы она делается элементом разрушительным.

---

²⁶ Градовский А.Д. Государственное право важнейших европейских держав // Собр. соч. СПб., 1900. Т. 4. С. VI.

²⁷ Градовский А.Д. Реформы и народность // Соч. СПб. : Наука, 2001. С. 457.

²⁸ Там же. С. 446.

²⁹ Там же. С. 457.

³⁰ Замалеев А.Ф. Градовский как государствовед // Градовский А.Д. Соч. С. 11.

3. Общество, не участвующее в государственной жизни, не в силах сдерживать утопических стремлений и делается их жертвою»³¹.

Таким образом, оптимальное государство справедливо представлялось А.Д. Градовскому продуктом совместной деятельности власти, общества и науки при условии их способности к взаимопониманию, взаимодействию и дополнению друг друга. Постоянный и равноправный диалог между ними в состоянии заметно снизить возможность социальных потрясений, катастрофических по своим разрушительным последствиям. «...Отношение государства к обществу, – подчеркивал А.Д. Градовский, – не есть отношение победителя к побежденному; общество принимает участие в администрации не потому, что оно *завоевало* себе какие-нибудь *права*, государство содействует осуществлению разных общественных интересов не во имя своих верховных прав, *отнятых* им некогда у общества. Все эти силы действуют во имя *солидарности* всех государственных и общественных целей и во имя *недостаточности* каждой из них в отдельности»³².

Для А.Д. Градовского был принципиально важен эволюционный, ненасильственный характер изменений, который обеспечивает соответствие общественных отношений и выражающего их государственного порядка. В этой связи Великобритания, по его мнению, отличалась от стран Континентальной Европы, и в первую очередь от Франции, пережившей в конце XVIII века сокрушительную революцию. «Развитие конституционных учреждений в Англии, – писал А.Д. Градовский, – представляет известную (хотя и не безусловную) преемственность, благодаря которой изменение политических учреждений вызывалось и сопровождалось изменениями общественного строя, служившего основой государственных учреждений. На континенте Европы введение новых учреждений сопровождалось крушением старого порядка, государственного и общественного, и перерождением всех общественных отношений»³³.

Рассматривая исторические основы государственно-правовых институтов Великобритании и континентальных государств Западной Европы, А.Д. Градовский, подчеркивая их единую природу, все же отдавал предпочтение англо-саксонскому варианту раннефеодальной государственности, который формировался в условиях относительной изолированности. «В большей или меньшей степени, – отмечал он, – вся Западная Европа испытала на себе влияние *германских* учреждений, принесенных в области павшей империи ее завоевателями и наследниками. Учреждения Англии, в период англо-саксонский, представляют развитие общих германских начал в их наиболее чистом виде»³⁴.

А.Д. Градовский видел исключительную роль событий Славной революции 1688–1689 годов в формировании современного ему государственно-правового механизма Великобритании. В числе их наиболее важных последствий он называл «...по-

³¹ Градовский А.Д. О современном направлении государственных наук // Соч. С. 24–25.

³² Там же. С. 27.

³³ Градовский А.Д. Государственное право важнейших европейских держав // Собр. соч. СПб., 1900. (Тип. М.М. Стасюлевича). Т. 4. С. 36.

³⁴ Градовский А.Д. Государственное право важнейших европейских держав. С. 12.

степенное образование *кабинета* как органа исполнительной власти, приведенной теперь в органическую связь с парламентом. Развитие *кабинета*, в современном смысле, было прямым результатом организации политических партий, получивших теперь возможность непосредственного влияния на образование министерств, практические средства контроля над его действиями и даже руководство ими через развитие *политической* ответственности кабинета перед палатами»³⁵. Произошедшие перемены расставили новые акценты в конституционной взаимозависимости властных институтов государства. «Старое противоположение «короля в парламенте» и «короля в совете» – противоположение, бывшее источником великой конституционной борьбы, – утверждал А.Д. Градовский, – сглаживается настолько, что английские учреждения приводятся к известному единству. «Король, лорды и общины» являются неразрывными элементами государственной власти, единство которой получает свое выражение в учреждении, являющемся одинаково и органом власти королевской, и представителем партии, располагающей парламентским большинством»³⁶.

Отмечая влияние теории и практики британского парламентаризма на развитие представлений о государственно-правовых институтах в континентальной Европе, А.Д. Градовский вместе с тем был далек от его идеализации. К концу XVIII – началу XIX века государственно-правовой механизм Великобритании находился в стадии становления. Парламент, отягощенный пережитками средневековья, носил компромиссный, полуфеодальный характер и не выражал интересов нации. «Несмотря на блестящий состав английских палат в XVIII столетии, – писал он, – Георг III сказал глубокую истину, что голос народа не слышан уже в них»³⁷.

Особенно резкой критике А.Д. Градовский подверг состояние избирательного права, которое представляло собой своеобразную ахиллесову пяту британской конституции. «... В исходе XVII столетия, – отмечал он, – когда круг господствующих классов в Англии установился и замкнулся, влияние поземельной аристократии получило первенствующее значение, вследствие чего избирательные коллегии сделались не столько действительным источником депутатских полномочий, сколько орудием тех аристократических классов, которые через эти избирательные коллегии прямо назначали депутатов, которых они считали наиболее способными представлять и собственные их интересы, и интересы всего государства. <...> Число лиц, имеющих право голоса на выборах, уменьшилось еще более, и сами выборы находились под безусловным влиянием земледельческой аристократии...»³⁸. Преобразование избирательного права на буржуазно-демократических началах было осуществлено в Великобритании в ходе реформ XIX – начала XX века.

А.Д. Градовский, несмотря на внимательное отношение к ценностям национальной государственной жизни, отмечал проявляемый в России интерес к достижениям европейского, в том числе и британского, конституционного про-

---

³⁵ Там же. С. 380.

³⁶ Там же. С. 36, 12.

³⁷ Градовский А.Д. Государство и провинция // Соч. С. 181.

³⁸ Градовский А.Д. Государственное право важнейших европейских держав. Лекции, читанные в 1885 г. СПб. : изд. Л.Ф. Пантелеева, 1895. С. 253.

цесса. Важнейшим аспектом его научного творчества стало обоснование принадлежности России к сообществу европейских стран, общности их исторических судеб. «Русский народ, столкнувшись с европейской цивилизацией, – писал он, – начал воспринимать эту цивилизацию как нечто *свое*, не переставая в то же время быть самим собой»³⁹.

Крупнейшие представители отечественного либерализма второй половины XIX века свои идейные искания пытались реализовать в практической деятельности. Широкое хождение получила составленная К.Д. Кавелиным «Записка об освобождении крестьян в России» (1855). Данный факт, на наш взгляд, можно рассматривать в контексте настоящего исследования, поскольку отмена крепостного права для России являлась важнейшим условием не только ее социально-экономического, но и последующего конституционного развития.

А.Н. Медушевский, давая оценку общественной деятельности Б.Н. Чичерина, особое значение придает его пребыванию на посту председателя Московской городской думы (1882–1883)⁴⁰. Борис Николаевич полагал, что Московская городская дума и ее управа в качестве исполнительного института должны полностью контролировать городское управление. В то же время эта работа не должна «погрузиться в рутину» и «бюрократический формализм», но дать толчок «общественному делу» – развитию самоуправления, которое «требует живого участия всех общественных сил». «Фактически, – подчеркивает А.Н. Медушевский, – это была универсальная концепция представительного учреждения, которая теоретически могла стать основой российского парламента – Государственной думы»⁴¹.

С.С. Секиринский подчеркивает, что в мае 1883 года во время коронационных торжеств в Москве Б.Н. Чичерин произнес речь, в которой правительству для борьбы против террора рекомендовалось оказывать содействие самостоятельным и организованным во всероссийском масштабе общественным силам. Прямым следствием этой речи стала отставка Б.Н. Чичерина⁴².

«Умеренный либерализм» Б.Н. Чичерина, в основных своих параметрах вписывавшийся в конституционную концепцию российского самодержавия 60–70-х годов XIX века, оказался не только невостребованным, но и опасным для самодержавия в правление Александра III (1881–1894).

Пожалуй, наибольший «конституционный опыт» получил А.Д. Градовский. Крупнейший отечественный правовед был приглашен участвовать в разработке Конституции освобожденной российскими войсками Болгарии в качестве эксперта. Специально созданное в Петербурге Особое совещание под председательством князя С.Н. Урусова работало с 11 по 22 декабря 1878 года. А.Д. Градовский 16 декабря подал свою записку, в которой подверг серьезной критике составленный ранее Органический устав для Болгарии и изложил свое видение проблемы. А.Д. Градовский отстаивал законодательный характер Народного собрания Болгарии, которое в Орга-

³⁹ Градовский А.Д. Славянофильская теория государства (письмо в редакцию) // Соч. С. 468.

⁴⁰ Медушевский А.Н. Чичерин Борис Николаевич // Общественная мысль России XVIII – начала XX века : энцикл. М., 2005. С. 610–614.

⁴¹ Там же. С. 612.

⁴² Секиринский С.С. Борис Николаевич Чичерин // Российские либералы. М., 2001. С. 109.

ническом уставе мыслилось лишь законосовещательным. Он отвергал многостепенные выборы, протестовал против участия в болгарском парламенте представителей администрации. Отстаивал избрание главы государства – князя Болгарии. Разработка и принятие Конституции Болгарии, по справедливому мнению В.А. Твардовской, показали, что «...сама власть, не откликавшаяся на назревшие общественные потребности внутри империи, вынуждена была считаться с политическими реалиями Европы второй половины XIX века и приспособливаться к ним. Претендуя на роль великой державы в ряду европейских стран, самодержавная империя должна была учитывать возобладавшие в Европе принципы государственного устройства, хотя бы во внешней политике. <...> Появилась надежда, что преобразования в России будут продолжены, а правительственный конституционализм проявит себя не только во вне, но и внутри страны»⁴³.

Русские либералы второй половины XIX века, используя свои весьма ограниченные возможности, пытались влиять на конституционный процесс в стране в духе буржуазного реформизма. Однако власть, в лучшем случае, была склонна к изучению их позиции, но определяла свой внутривнутриполитический курс самостоятельно.

Либеральное осмысление эволюции британского парламентаризма способствовало созданию теоретического фундамента парламентской системы в России, первым шагом к которой должно было стать местное самоуправление. Внимание русской либеральной мысли второй половины XIX века как к британскому парламентаризму, так и к методу его ненасильственной модернизации стало сначала одним из факторов сохранения российского самодержавия в рамках легитимности, а затем – и модернизации.

Крупнейшие представители «государственной школы» активно использовали изучение эволюции британского парламентаризма для своих теоретических построений, видя в ней наиболее приемлемый вариант государственно-правовой модернизации, в том числе и российского самодержавия.

Имперская Россия, под которой мы понимаем абсолютную монархию и ее высшую бюрократию, модернизируя важнейшие социальные институты и внедряя новые политико-правовые структуры (органы местного самоуправления, новое судостроительство и т. д.), оказалась не готовой подвергнуться внутреннему реформированию, что свидетельствовало о диссонансе процессов, протекавших во власти и обществе пореформенных десятилетий. Либеральные установки не стали определяющими в деятельности правительства. Европейский конституционный опыт в части создания эффективного парламентаризма, в том числе британский, оказался невостребованным.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Градовский, А.Д. Государственное право важнейших европейских держав [Текст]. – СПб. : изд. Л.Ф. Пантелеев, 1895. – 528 с.

---

⁴³ Твардовская В.А. Александр Дмитриевич Градовский // Там же. С. 131.

2. Градовский, А.Д. Государство и провинция [Текст] // Соч. – СПб., 2001.
3. Градовский, А.Д. О современном направлении государственных наук [Текст] // Соч. – СПб., 2001.
4. Градовский, А.Д. Реформы и народность [Текст] // Соч. – СПб., 2001.
5. Градовский, А.Д. Славянофильская теория государства (письмо в редакцию) [Текст] // Соч. – СПб., 2001.
6. Зорькин, В.Д. Из истории буржуазно-либеральной мысли России второй половины XIX – начала XX в. (Б.Н. Чичерин) [Текст]. – М. : Изд-во МГУ, 1975. – 172 с.
7. Кавелин, К.Д. Мысли о выборном начале [Текст] // Собр. соч. : в 4 т. – СПб., 1898. (Тип. М.М. Стасюлевича). – Т. 2. – С. 907–927.
8. Кавелин, К.Д. О разграничении законов и постановлений [Текст]. – [СПб.], [1861] // НИОР РГБ. – Ф. 169-43-1.
9. Кавелин, К.Д. Письма к Чичерину Б.Н. [Текст] // НИОР РГБ. – Ф. 334-2-22.
10. Кавелин, К.Д. Политические призраки [Текст] // Собр. соч. : в 4 т. – СПб., 1898. – С. 927–995.
11. Общественная мысль России XVIII – начала XX века [Текст] : энцикл. – М. : РОССПЭН, 2005. – 640 с.
12. Российские либералы [Текст] : сб. статей / под ред. Б.С. Итенберга, В.В. Шелохаева. – М., 2001.
13. Чичерин, Б.Н. Курс государственной науки [Текст] : в 3 ч. – М., 1894–1898 (Типолитограф. т-ва И.Н. Кушнерев и К^о). – Ч. 1. – VIII ; 482 ; III–IV с.; Ч. 2. – [4] ; 433 с. ; Ч. 3. – 4 ; 556 с.
14. Чичерин, Б.Н. О народном представительстве [Текст]. – М., 1866 (Тип. Грачева и К^о). – XII ; 553 с.
15. Чичерин, Б.Н. Очерки Англии и Франции [Текст]. – М. : Солдатенков и Щепкин, 1858. – XX ; 357 с.
16. Чичерин, Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия [Текст]. – Берлин : Штейнниц, 1901. – 160 с.

REFERENCES

1. Chicherin, B.N. Kurs gosudarstvennoy nauki [The course of public science] [Text] : in 3 Vols. – Moscow, 1894–1898 (Tipolitogr. T-va I.N. Kushnerev and K^o). – P. 1. – VIII ; 482 ; III–IV p. ; P. 2. – [4] ; 433 p. ; P. 3. – 4 ; 556 p.
1. Chicherin, B.N. O narodnom predstavitel'stve [On representation of people] [Text]. – Moscow, 1866 (printed by Grachev and Co^o). – XII ; 553 p.
2. Chicherin, B.N. Ocherki Anglii i Frantsii [Essays on Britain and France] [Text]. – Moscow : Soldatenkov and Schepkin, 1858. – XX ; 357 p.
3. Chicherin, B.N. Rossiya nakanune dvadtsatogo stoletiya [Russia on the eve of the twentieth century] [Text]. – Berlin : Steinitz, 1901. – 160 p.
4. Gradovsky, A.D. Gosudarstvennoye pravo vazhneyshikh yevropeyskikh derzhav [Constitutional Law of the most important European powers] [Text]. – SPb. : L.F. Panteleyev, 1895. – 528 p.
5. Gradovsky, A.D. Gosudarstvo i provintsiya [State and province] [Text] // Essays. – SPb., 2001.
6. Gradovsky, A.D. O sovremennom napravlenii gosudarstvennykh nauk [On the current direction of public sciences] [Text] // Essays. – SPb., 2001.

7. Gradovsky, A.D. Reformy I narodnost' [Reforms and nationality] [Text] // Essays. – SPb., 2001.
8. Gradovsky, A.D. Slavyanofil'skaya teoriya gosudarstva (pis'mo v redaktsiyu) [Slavophile theory of the state (letter to edition)] [Text] // Essays. – SPb., 2001.
9. Kavelin, K.D. Mysli o vybornom nachale [Thoughts of elective principle] [Text] // SPb., 1898. (printed by M.M. Stasyulevich). – Vol. 2. – P. 907–927.
10. Kavelin, K.D. O razgranichenii zakonov I postanovleniy [On differentiation of laws and resolutions] [Text]. – [SPb.], [1861] // NIOR RGB. – F. 169-43-1.
11. Kavelin, K.D. Pis'ma k Chicherinu B. N. [Letters to B. N. Chicherin] [Text] // NIOR RGB. – F. 334-2-22.
12. Kavelin, K.D. Politicheskiye prizraki [Political specters] [Text] // Set of works: in 4 Vols. – P. 927–995.
13. Obschestvennaya mysl' Rossii XVIII – nachala XX veka [Russian social thought of the 18th – early 20th centuries] [Text] : encyclopedia. – Moscow : ROSSPEN, 2005. – 640 p.
14. Rossiyskiye liberally [Russian liberals]: collection of articles [Text] / ed. by B.S. Itenberg, V.V. Shelokhayev. – Moscow, 2001.
15. Zor'kin, V.D. Iz istorii burzhuazno-liberal'noy mysli Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka [From the history of Russian bourgeois-liberal thought of the second half of the 19th – the early 20th centuries B.N. Chicherin] [Text]. – Moscow : MSU Publishing House, 1975. – 172 p.

A.I. Minaev

BRITISH PARLIAMENTARY SYSTEM VIEWED BY RUSSIAN LIBERAL PHILOSOPHERS OF THE LATE 19TH CENTURY

The article analyzes the ideas of Russian liberal philosophers of the late 19th century about British parliamentary system. Russian liberal philosophers' attention to British parliamentary system and its nonviolent modernization served as a factor of securing the legitimacy of Russian autocracy and its modernization. However the traditions of British parliamentary system were not adopted by Russian authorities and failed to be used as a guideline in the task of creating an effective parliament.

Great Britain, Russia, late 19th century, "state school", parliamentary system, modernization.